

- Историческая разметка пространства и времени : материалы семинара (13 мая 2014 г.) / Волгогр. гос. ун-т ; Фонд Ф. Эберта ; под ред. И.И. Куриллы ; авт. предисл. И.И. Куриллы. — Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2014. — С. 89—112.
9. *Никитин С.* Марьино : достопримечательности спального района № 1 // Московское наследие. — 2006. — № 1. — С. 113—119.
  10. *Полян П.* Юбилей а la glavour? Российский организационный комитет «Победа» как естественная монополия // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. — М. : Новое литературное обозрение, 2005. — С. 282—296.
  11. *Потресов В.* Устали люди воевать [Электронный ресурс] // Московская среда. — 2005. — №7 (113). — URL: http://sharya-papers.narod.ru/moswed/2005/n07-2005_p01.pdf (дата обращения: 11.03.2015).
  12. *Рамазашвили Г.* Есть такая профессия — историю зачищать : ЦАМО РФ в преддверии 60-летия Победы // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. — М. : Новое литературное обозрение, 2005. — С. 297—313.
  13. *Ревзин Г.И.* Очерки по истории архитектурной формы / Г.И. Ревзин. — М. : ОГИ, 2002. — 144 с.
  14. *Рюзен Й.* Утрачивая реальность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 7. — М., 2001. — С. 8—25.
  15. *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс ; пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. — М. : Новое издательство, 2007. — 348 с.
  16. *Burke P.* History as Social Memory // Memory : History, Culture and the Mind. — Oxford : Basil Blackwell, 1989. — P. 97—113.
  17. *Carrier P.* Holocaust Monuments and National Memory : France and Germany since 1989 / P. Carrier. — New York ; Oxford : Berghahn, 2006. — 267 p.
  18. *Commemorations : The Politics of National Identity* / ed. by J.R. Gillis. — Princeton, New Jersey : Princeton University Press, 1994. — 304 p.
  19. *Gedi N.* Collective Memory — What Is It? / N. Gedi, E. Yigal // History and Memory. — 1996. — V. 8. — № 1. — P. 30—50.
  20. *Gillis J.R.* Memory and Identity : The History of relationship // Commemorations : The Politics of National Identity / ed. by J.R. Gillis. — Princeton, New Jersey : Princeton University Press, 1994. — P. 3—24.
  21. *Lessons and Legacies : Memory, Memorialization and Denial* / ed. by P. Hayes. — Evanston, Illinois : Northwestern University Press, 1999. — 303 p.
  22. *Linenthal E.T.* Sacred Ground : Americans and their Battlefields / E.T. Linenthal. — University of Illinois Press, 1993. — 352 p.
  23. *Mayo J.M.* War Memorials as Political Landscape : The American Experience and Beyond / J.M. Mayo. — New York ; Westport, Connecticut ; London : Praeger, 1988. — 306 p.
  24. *Memory : History, Culture and the Mind* / ed. by T. Butler. — Oxford : Basil Blackwell, 1989. — 189 p.
  25. *Merridale C.* War, Death, and Remembrance in Soviet Russia // War and Remembrance in the Twentieth Century / ed. by J. Winter, E. Sivan. — Cambridge : Cambridge University Press, 1999. — P. 61—83.
  26. *Mosse G.* Fallen Soldiers : Reshaping the Memory of the World Wars / G. Mosse. — New York : Oxford University Press, 1990. — 272 p.
  27. *Savage K.* Standing Soldiers, Kneeling Slaves : Race, War, and Monument in Nineteenth-Century America / K. Savage. — Princeton : Princeton University Press, 1997. — 288 p.
  28. *Schacter D.L.* Searching for Memory : The Brain, the Mind and the Past / D.L. Schacter. — New York, 1996. — 398 p.
  29. *Thelen D.* History-Making in America : A Populist Perspective // The Historian. — 1991. — V. 53. — № 4. — P. 633—648.
  30. *Winter J.* Remembering War : The Great War Between Memory and History in the Twentieth Century / J. Winter. — New Haven ; London : Yale University Press, 2006. — 352 p.
  31. *Winter J.* Sites of Memory, Sites of Mourning / J. Winter. — Cambridge : Cambridge University Press, 1995. — 310 p.
  32. *Young J.* The Counter Monument : Memory Against Itself in Germany Today // Critical Inquiry. — 1992. — V. 18. — № 2. — P. 267—296.

УДК 314.156.5:94(430)"19"

ББК 66.094+63.3(4Гем)63

КАУГАНОВ Е.Л.**«СПОР ГОЛЬДХАГЕНА»****И РЕАКТУАЛИЗАЦИЯ ПРОБЛЕМЫ ВИНЫ В ФРГ В 1990-е ГОДЫ**

В статье представлен анализ обсуждения книги Д. Гольдхагена «Добровольные исполнители Гитлера: обычные немцы и Холокост» — одной из ключевых дискуссий о немецком историческом и национальном самосознании в 1990-е годы. Рассматривается концепция «элиминаторного антисемитизма» Д. Гольдхагена, рецепция книги в средствах массовой информации и сообществе профессиональных историков. Если историки отнеслись к книге критически, то основная масса читателей восприняла ее позитивно. Автор объясняет данный феномен тем, что Д. Гольдхаген позволил провести четкую границу между тоталитарным нацистским прошлым и демократическим настоящим Германии.

Ключевые слова: ФРГ, нацизм, культура памяти, национальная идентичность, Гольдхаген.

Для общественного дискурса Германии в 1990-е гг. было характерно существенное усиление конъюнктуры на тему нацистского прошлого, дискуссии о котором стали неотъемлемой частью культурной и интеллектуальной жизни ФРГ начиная с 1980-х гг., в первую очередь за счет импульсов «спора историков» между «ревизионистско-апологетическим» лагерем Эрнста Нольте и «критической» группой немецких интеллектуалов во главе с Юргеном Хабермасом. В 1996 г. параллельно с жесткими дебатами о резонансной выставке «Преступления Вермахта» в Германии разгорелась другая, не менее масштабная дискуссия о нацистском прошлом страны и проблеме отношения к нему современных немцев.

Новый спор спровоцировало появление книги американского историка, профессора Гарвардского университета Дэниела Гольдхагена «Добровольные исполнители Гитлера: обычные немцы и Холокост». Автор задался целью дать ответ на фундаментальные вопросы: как стал возможен Холокост, что явилось причиной бесчеловечных преступлений немцев в отношении евреев. Исходный тезис заключался в том, что Холокост был не только делом рук преступной клики нацистских вождей, для его осуществления требовалась широкая сеть пособников и исполнителей. Отталкиваясь от этого положения, Гольдхаген ставил вопрос о мотивах, заставивших людей пойти на совершение преступлений. Конвенциональные историографические объяснения Холокоста (подчинение приказам, авторитету начальства, групповая порука) Гольдхаген расценивал как неудовлетворительные [9, р. 13]. Главной предпосылкой и мотивом Холокоста, по его мнению, стала готовность большинства обычных немцев в 1930-е гг. «терпимо относиться, поддерживать и участвовать в преследованиях евреев», что являлось ничем иным, как проявлением «элиминаторного антисемитизма» (eliminationist antisemitism) [9, р. 375].

Д. Гольдхаген утверждал, что немецкий антисемитизм уходит в глубь истории, а возможность истребления всего еврейского народа обсуждалась в Германии уже в XIX в. [9, р. 419]. Однако концентрированные, координированные и планомерные действия против евреев в кайзеровской Германии были еще невозможны: «Еще отсутствовали возможности для трансформации антисемитизма в программу физического нападения, и государственный строй не позволял антисемитизму стать базисом коллективного, общественного действия» [9, р. 72]. Лишь с приходом к власти нацистов были созданы условия для геноцида. Первые шаги антиеврейской программы — систематическое исключение евреев из немецкой общественной и экономической жизни — поддерживались большей частью немецкого общества. Представители всех его слоев и групп (католики и протестанты, юристы, врачи, учителя) принимали участие в сегрегации евреев. При этом лишение евреев гражданских прав, бесчинства, депортация в концлагеря в своей совокупности не вызвали никакого мало-мальски значимого сопротивления со стороны немецких граждан. Более того, сегрегация и последующее уничтожение евреев нашли поддержку

даже среди убежденных противников нацизма, поскольку они разделяли антисемитские убеждения: «Удивительный феномен, состоявший в том, что самое большое преступление нацистского режима ни разу не вызвало возмущение тех, кто в остальном всегда ему противостоял, можно понять, исходя из вездесущности антисемитизма в Германии. Если позитивные или по меньшей мере нейтральные мнения о евреях нельзя было услышать от таких моральных инстанций, как христианские церкви и заклятые враги Гитлера, то где их в таком случае было искать? Культурно-когнитивная модель, сформированная в отношении евреев, определяла и восприятие нацистов, и их противников» [9, р. 116]. Немецкий народ полностью принял нацистский образ евреев, огромное число обычных немцев стали «добровольными исполнителями» Гитлера. Нацистское движение завоевало политическую власть над обществом, которое было легко мобилизовать для уничтожения евреев [9, р. 23].

Свои смелые обобщающие тезисы Гольдхаген стремился подкрепить детальным описанием и анализом конкретных ситуаций. Главным объектом своего анализа историк сделал расстрельный полицейский батальон 101, причастный к убийству около 40 тыс. евреев во время войны. В других частях книги он анализировал поведенческую стратегию преступников в концлагерях и в ходе так называемых «маршей смерти» 1944—1945 годов. Основываясь на судебных актах послевоенных разбирательств против членов батальона 101, Гольдхаген показал, что эти люди совершали свои действия не под давлением начальства, а добровольно, и не с чувством стыда, а с «гордостью и убежденностью в правильности совершаемого» [9, р. 225]. Автор книги также писал, что, в противоположность формуле Ханны Арендт о «банальности зла», Холокост не был для преступников «безэмоциональным процессом» [9, р. 481]. Из изученных им данных следовало, что члены батальона имели возможность не принимать участия в расстрелах. Перед первой карательной акцией им было предложено отказаться от этого, однако лишь 10—12 человек из 500 членов батальона воспользовались данной возможностью [9, р. 213].

Для анализа Гольдхагена принципиально важен тот факт, что речь шла не об убежденных нацистах и членах партии — таковые, по его данным, составляли примерно треть членов батальона [9, р. 207]. Большая их часть была среднестатистическими немецкими гражданами, добровольно поступившими на службу в полицию, так как не смогли попасть на фронт по возрастным ограничениям. Таким образом, речь шла о «совершенно обычных», «нормальных» немцах. Поведение членов батальона демонстрировало, насколько сильны были антисемитские убеждения, продолжительное время господствовавшие в Германии, и насколько тонка была грань, отделявшая негативное отношение к евреям от бесчеловечных преступлений. Без содействия сотен тысяч немцев, принявших участие в геноциде, или так или иначе его поддержавших, уничтожение евреев не было бы столь планомерным и систематическим, писал историк. «Не экономические трудности, не система

принуждения тоталитарного государства, не социально-психологическое давление... а представления о евреях, господствовавшие в Германии десятилетиями, заставили совершенно обычных немцев систематически и беспощадно убивать тысячи невооруженных, беззащитных еврейских мужчин, женщин и детей» [9, р. 9].

Сразу же после своего появления книга Д. Гольдхагена вызвала большой резонанс в немецких и мировых средствах массовой информации. Еще до появления немецкого перевода германские журналисты начали дискуссию о книге Гольдхагена и актуализированном им тезисе о коллективной вине немцев. По замечанию редактора газеты «Цайт» Фолькера Ульриха, «дебаты Гольдхагена» в определенном смысле стали продолжением «спора историков» 1986—1987 гг. [17, S. 150]. Мнения о книге в немецком обществе поляризовались. В то время как профессиональные историки оценивали книгу сдержанно, подавляющее большинство рядовых читателей восприняли ее с энтузиазмом: первое немецкое издание книги, появившееся 7 августа 1996 г. в количестве 80 тыс. экз., было распродано за один месяц, и в начале октября 1996 г. дополнительно напечатали еще 100 тыс. экземпляров. В общей сложности до начала 1999 г. было продано 300 тыс. экз. книги, что явилось экстраординарным успехом для исторической монографии.

Как уже говорилось, первоначальная реакция немецких историков и журналистов была преимущественно сдержанной, амбивалентной и скептической. Немецкие критики упрекнули Д. Гольдхагена в грубом упрощении: он «абсолютизирует» коллективную вину немцев и «демонизирует» немецкую нацию. Многие историки и публицисты усомнились в методологических принципах его исследования. Часто звучал упрек в намеренном желании привлечь к себе внимание СМИ. Историк Норберт Фрай отмечал, что книга «не содержит каких-либо действительно новых научных результатов» и написана «в крайне детерминистском ключе» [4]. Вместе с тем Фрай вынужден был констатировать, что немецкая историография Холокоста действительно уделяла крайне мало внимания и игнорировала факт «чрезвычайно высокой степени идентификации немцев с Гитлером и нацистским режимом». Вслед за Фраем амбивалентно высказались о книге такие историки, как Эберхард Йеккель, Ульрих Херберт, Ганс-Ульрих Велер.

Журналист Мариам Нируманд в газете «Тагесцайтунг» 13 апреля 1996 г. упрекнула Гольдхагена в предвзятости исторической интерпретации ввиду его еврейского происхождения [20]. Как и Фрай, Нируманд советовала воздержаться от общественной дискуссии о книге. Двумя днями позже о книге высказался редактор «Франкфуртер альгемайне цайтунг» Франк Ширрмахер. Он подверг Гольдхагена критике за то, что тот пытается возродить тезис о коллективной вине и представление об антисемитском менталитете немцев: «В целом, тезис о коллективной вине немцев является ядром этой книги, примечательно лишь то, что Гольдхаген его исторически и социологически радикализирует» [24].

Позитивную оценку работа получила от историка и политолога, профессора Потсдамского университета Юлиуса Х. Шепса. Высказывая свое мнение в газете «Цайт» 26 апреля 1996 г., он, в отличие от критиков Гольдхагена, подчеркнул необходимость общественной дискуссии о книге. Ученый критически отнесся к возмущению многих немецких интеллектуалов работой американского историка. Шепс писал, что и до Гольдхагена публиковались работы, изучающие влияние традиционного антисемитизма на Холокост, например исследования Алекса Байна, Гельмута Бердинга, Вернера Йохмана, Вольфганга Бенца, Леона Полякова. По мнению Шепса, негативная реакция немецкой публики вызвана «непривычно радикальными, провокационными формулировками и вопросами Гольдхагена» [25].

Журналист Гертруд Кох в газете «Франкфуртер рундшау» 30 апреля 1996 г. одобрительно высказалась о книге Д. Гольдхагена, согласившись с тезисом историка о значимости антисемитизма немцев для осуществления Холокоста. По ее словам, в послевоенной Германии эта тема подверглась «сознательному замалчиванию», элиминаторный антисемитизм немцев был «необходимым, но не достаточным условием» Холокоста, на чем настаивал Гольдхаген. На протяжении всей эпохи нацизма немцы обладали возможностью индивидуального выбора [14].

В свою очередь, Йост Нольте в газете «Вельт» 16 апреля 1996 г. попытался представить немцев в роли жертв «культы вины». Он сравнил своих соотечественников с мифическим Сизифом и заявил, что Освенцим становится у Гольдхагена «первородным грехом немцев»: «Спустя более полувека после смерти Гитлера и после поворота 1989—1990 гг. ...казалось, что история освободила немцев от судьбы Сизифа. Гольдхаген приложил все усилия, чтобы вновь подвергнуть их проклятию» [21].

Д. Гольдхаген 8 мая 1996 г. отреагировал на дискуссию в Германии открытым письмом к немецким книготорговцам, в котором попытался устранить недоразумения по поводу своей книги. Автор заявил, что не отстаивает идею о неизменном антисемитском менталитете немцев, тезис о немецкой коллективной вине, неизбежности Холокоста в Третьем рейхе и антисемитизме как о единственной его причине [15, S. 136]. Следует отметить, что в предисловии к немецкому изданию своей работы Гольдхаген также указывал, что категорически отвергает тезис о коллективной вине немцев, и лишь утверждает, что «число совершивших преступные деяния немцев было огромным» [8, S. 11—12].

Историк Ганс-Ульрих Велер в обзоре книги Гольдхагена в газете «Цайт» 25 мая 1996 г. констатировал наличие «защитного консенсуса» в немецкой прессе по отношению к работе американского ученого, при том что работа действительно содержит в себе «импульс новизны» [28]. Книга Гольдхагена является «стимулом к новому осмыслению чрезвычайно острых и до сих пор нерешенных проблем прошлого», что, по мнению Велера, следует расценивать позитивно. Положительно он оценил и вклад Гольдхагена в изучение социальной психоло-

гии преступников на примере полицейских батальонов, концлагерей и «маршей смерти», а также в исследовании «повседневного антисемитизма» в Третьем рейхе. «Не прав ли Гольдхаген, что подобная жесткость, ставшая массовым феноменом среди представителей когда-то цивилизованного народа, до сих пор нуждается в объяснении?», — риторически спрашивал Велер. Критически немецкий историк отнесся к методологии исследования Гольдхагена, усмотрев в ней «редукционизм» и стремление к «монокаузальному объяснению» [28].

Позитивно оценила работу Гольдхагена журналист Ингрид Гильхер-Хольтей в газете «Цайт» 7 июня 1996 года. По ее словам, Гольдхаген пытается объяснить не политические процессы, приведшие к Холокосту, а менталитет непосредственных участников и исполнителей геноцида. В этом заключается новаторский подход исследования, и его тезисы заставляют обратиться к недостаточно изученным аспектам Холокоста, прежде всего к ментальному. Гольдхаген, как и другие исследователи менталитета, пытается вычленил схемы коллективного мышления и восприятия из поведения индивидуумов и групп [7].

Историк Ульрих Херберт усомнился в тезисе Гольдхагена о Холокосте как «национальном проекте» немцев, однако отметил, что Гольдхаген правильно поставил вопрос о «масштабе распространения юдофобии среди немецкого населения и значении антисемитизма для старта и осуществления многомиллионного убийства» [11].

В июле—августе 1996 г. дискуссия о книге Гольдхагена в федеральной немецкой прессе продолжились в таких изданиях, как «Зюддойче цайтунг», «Франкфуртер рундшау», «Франкфуртер альгемайне цайтунг». В статье в «Зюддойче цайтунг» 20 июля 1996 г. Ганс Моммзен отверг тезис Гольдхагена о специфическом немецком антисемитизме как единственном мотиве Холокоста и назвал его подход «намеренно провокационным» [19]. Однако в отличие от других критиков Гольдхагена Г. Моммзен был склонен видеть в дебатах определенный смысл, а именно возможность «дискуссии о моральной ответственности немцев, живших при нацистской диктатуре». Моммзен отмечал, что большей части немецкого населения не было непосредственно известно о масштабах уничтожения евреев, однако «информации и определенных показателей было достаточно, чтобы составить приблизительную картину о них» [19]. Без широко распространенной индифферентности и нежелания попасть под общественное осуждение, утверждал Моммзен, масштабы преступлений были бы меньше: «Незнание об убийстве не освобождает от коллективной ответственности за допущение общественного беззакония, которое было предпосылкой к убийству» [19].

Свое мнение о книге Гольдхагена высказали также Ян Филипп Реемтсма и Ханнес Хеер, авторы резонансной передвижной выставки «Преступления Вермахта». В газете «Зюддойче цайтунг» 24 июля 1996 г. Реемтсма писал, что, несмотря на свой провокационный характер, книга Гольдхагена «необходима, так как она способствует дискуссии о немецком антисемитизме и его влиянии на поведение населения во время нацистской диктатуры» [22]. В свою

очередь, Х. Хеер согласился с тезисом Гольдхагена о том, что между нацистским режимом и тогдашним немецким населением существовал консенсус. Ошибка историка, по мнению Хеера, состоит в недостаточном внимании к другим факторам, влиявшим на сознание немцев, например к пропаганде, внушавшей идею о «судьбоносной борьбе немецкого народа», а также к «эмоциональному ожесточению из-за перманентного насилия, сопровождавшего войну» [10].

Несмотря на амбивалентную оценку немецких историков и публицистов, книга Д. Гольдхагена в одночасье стала бестселлером [16, S. 157]. После выхода немецкого издания Гольдхаген провел в Германии серию лекций, которые широко освещались СМИ и привлекли внимание большого числа немцев. О его лекциях в крупных городах Германии писал журналист Кристиан Землер 7 сентября 1996 г. в «Тагесцайтунг», отмечавший, что широкая немецкая публика, в отличие от профессиональных историков, восприняла работу Гольдхагена положительно [26]. Журналист Йозеф Йоффе в газете «Зюддойче цайтунг» 11 сентября 1996 г. указывал, что во время дискуссий Гольдхаген находил живой контакт со своими слушателями, критических реакций и выступлений практически не наблюдалось [12].

В целом споры о книге Д. Гольдхагена в немецких СМИ завершились к концу октября 1996 г., не вызвав впоследствии громких протестов или критических откликов. Если охарактеризовать характер и тон дебатов в общих чертах, то следует сказать, что среди подавляющего большинства критиков имело место постепенное смещение от негативной оценки в сторону более дифференцированного и взвешенного анализа. В 1997 г. историк, профессор Института Фридриха Мейнеке в Берлине Вольфганг Випперман попытался дать итоговую оценку дискуссии о книге Гольдхагена. Випперман писал, что, несмотря на методологические недостатки, эта работа достойна позитивной оценки: «“Спор Гольдхагена”, начавшийся ровно через десять лет после “спора историков”... показывает, что борьба за культурную гегемонию современности через проработку прошлого продолжается... Гольдхаген написал важную книгу в правильное время» [29, S. 116]. По мнению Виппермана, книга «Добровольные исполнители Гитлера» достойна высокой оценки, во-первых, потому, что ей удалось «опровергнуть тривиализирующие сравнения Третьего рейха с другими режимами, в частности, с “тоталитарной” ГДР». Во-вторых, в своем анализе Гольдхаген не прибегнул к нарративу о «трагическом срединном положении Германии». В-третьих, историк не оставил никаких сомнений в том, что Германия несет исключительную ответственность за развязывание глобального конфликта, который обернулся беспрецедентной «расовой войной на уничтожение». В-четвертых, Гольдхаген нанес удар по попыткам «новых правых» релятивизировать преступления Третьего рейха ссылками на его якобы «положительные стороны» [29, S. 115].

Определенная «ненаучность» метода и стиля Гольдхагена некоторыми расценивалась и до сих пор расцени-

важется не как слабость, а, напротив, как преимущество его книги. Например, историк Герхард Шайт пишет, что «именно то, за что Гольдхагена почти единодушно и особенно остро критикуют, является его самой лучшей стороной: попытка монокаузального объяснения, спекулятивный стиль вопросов, который действительно находится на грани научности» [23, S. 140].

Важно отметить, что колоссальный читательский интерес к книге в Германии (около 300 тыс. проданных экземпляров до 1999 г.) способствовал актуализации интереса к нацистскому прошлому далеко за пределами сообщества профессиональных историков. Пытаясь объяснить позитивную рецепцию книги Гольдхагена со стороны широких слоев немецкого общества, исследователь немецкой культуры памяти Алейда Ассман отмечает, что данный эффект был обусловлен не в последнюю очередь тем, что немецкая аудитория Гольдхагена, состоящая в основном из поколения детей и внуков социализировавшихся при нацизме немцев, получила своеобразное «коллективное оправдание». Элиминаторный антисемитизм действительно был глубоко укоренен в немецкой культуре, но после 1945 г. он был радикально и окончательно преодолен. Немецкий народ бесповоротно дистанцировался от антисемитизма и обратился к идеям гуманизма и демократии. Таким образом, по оценке Ассман, книга Гольдхагена в определенном смысле обладала для немцев эффектом «катарсиса» [2, S. 289].

В то же время наряду с популяризаторским импульсом книга представляла и научный интерес, она дала исследователям стимул для постановки новых вопросов в изучении ранее незатронутых аспектов Третьего рейха, в частности немецкого и, шире, европейского антисемитизма и антисемитского менталитета. Книга Гольдхагена, как и спор о выставке «Преступления Вермахта» 1995—1999 гг., заставляла посмотреть на преступления нацизма не отстраненно, а под личным углом зрения, переместить перспективу с безличных, анонимных структур нацистского государства на индивидуальную биографию и экзистенциальные решения «обычных», среднестатистических немецких граждан, ставших преступниками. Подчеркивая данный аспект, Йозеф Йоффе писал: «Книга должна стать обязательной для прочтения. Например, кому известно, что такие легендарные антинацистские теологи, как пастор Нимёллер или Карл Барт, произносили антисемитские проповеди? <...> После этой спорной не только в Германии книги будет не так легко дистанцироваться от беспрецедентных преступлений “во имя Германии” и сохранить грань между нацистами и “обычными немцами”» [13, S. 162].

Крупный американский политолог Андрей Марковиц также отмечал научную важность работы Гольдхагена: «Книга Гольдхагена нова в своем богатстве интерпретаций и материала, в прямоте своей речи. Прежде всего, она закрывает досадный пробел в немецкой историографии, которая знает довольно много о “преступниках письменного стола”, но пугающе мало — об исполнителях Холокоста» [18, S. 667]. Работа Гольдхагена, по выражению Фолькера

Ульриха, действительно изменила взгляд историков на эпоху нацизма, так как вопрос об участии «обычных немцев» в Холокосте был поставлен в ней «так остро, как ни в одной другой книге» [27]. С точки зрения историка Айке Гайзеля, Гольдхаген сумел доказать, что «массовые преступления нацизма были не только преступлением по отношению к массам, но и преступлениями масс» [6, S. 137]. Следует согласиться с резюме Норберта Фрая: главное достоинство книги Гольдхагена заключалось, прежде всего, в том, что она способствовала «символическому признанию исторической ответственности немцев спустя 50 лет после конца нацистского режима» [5, S. 146].

Обобщая, можно сказать, что книга Д. Гольдхагена и дебаты вокруг нее маркируют одну из наиболее значимых вех критической рефлексии и проработки нацистского прошлого в объединенной Германии 1990-х годов. «Спор Гольдхагена» потенцировал значение памяти о нацизме в качестве базового нарратива немецкой национальной идентичности и центрального «негативного масштаба» немецкой политической культуры [3, S. 63]. В связи с этим достойна внимания точка зрения самого автора резонансного исследования. В марте 1997 г. за вклад в изучение Холокоста Дэниел Гольдхаген был удостоен «Приза демократии» издаваемого в Бонне Журнала немецкой и международной политики. В своей речи по случаю присуждения приза ученый отметил успехи немцев в критической проработке собственного прошлого и выработке «ненационалистического национального самосознания, ответственного перед международным сообществом» [1, с. 102—103]. В заключение Гольдхаген назвал ФРГ «позитивной моделью и эталоном, которому другие государства должны подражать. <...> Я не знаю другой страны, столь открытой и последовательной в обращении с бесславными и страшными страницами собственного прошлого» [1, с. 103].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кёниг Х. Будущее прошлого : национал-социализм в политическом сознании ФРГ / Х. Кёниг. — М. : РОССПЭН, 2012. — 168 с.
2. Assmann A. Geschichtsvergessenheit — Geschichtsversessenheit : Vom Umgang mit deutschen Vergangenheiten nach 1945 / A. Assmann, U. Frevert. — Stuttgart : Deutsche Verlags-Anstalt, 1999. — 240 S.
3. Benner T. Auf ewig Sisyphos? Die Goldhagen-Debatte und die politische Kultur der Berliner Republik / T. Benner, C.R. Köster // Sozialwissenschaftliche Informationen. — 1997. — В. 26. — № 1. — S. 55—64.
4. Frei N. Ein Volk von “Endlösern”? // Süddeutsche Zeitung. — 1996. — 4 April.
5. Frei N. Goldhagen, die Deutschen und die Historiker : Über die Repräsentation des Holocaust im Zeitalter der Visualisierung // Zeitgeschichte als Streitgeschichte : Große Kontroversen seit 1945 / Hrsg. M. Sabrow, R. Jessen, K.G. Kracht. — München : C.H. Beck, 2003. — S. 138—151.
6. Geisel E. Triumph des guten Willens. Gute Nazis und selbsternannte Opfer : Die Nationalisierung der Erinnerung / E. Geisel. — Berlin : Edition Tiamat, 1998. — 208 S.

7. *Gilcher-Holtey I.* Die Mentalität der Täter // Die Zeit. — 1996. — 7 Juni.
8. *Goldhagen D.* Hitlers willige Vollstrecker : Ganz gewöhnliche Deutsche und der Holocaust / D. Goldhagen. — Berlin : Siedler Verlag, 1996. — 728 S.
9. *Goldhagen D.* Hitler's Willing Executioners : Ordinary Germans and the Holocaust / D. Goldhagen. — New York : Alfred A. Knopf, 1996. — 619 p.
10. *Heer H.* Die große Tautologie // taz. — 1996. — 4 September.
11. *Herbert U.* Aus der Mitte der Gesellschaft // Die Zeit. — 1996. — 14 Juni.
12. *Joffe J.* Das Goldhagen-Phänomen // Süddeutsche Zeitung. — 1996. — 11 September.
13. *Joffe J.* "Die Killer waren normale Deutsche, also waren die normalen Deutschen Killer" // Ein Volk von Mördern? : Die Dokumentation zur Goldhagen-Kontroverse um die Rolle der Deutschen im Holocaust / Hrsg. J.H. Schoeps. — Hamburg : Hoffmann und Campe, 1996. — S. 162—167.
14. *Koch G.* Eine Welt aus Willen und Vorstellung // Frankfurter Rundschau. — 1996. — 30 April.
15. *Kött M.* Goldhagen in der Qualitätspresse : Eine Debatte über "Kollektivschuld" und "Nationalcharakter" der Deutschen / M. Kött. — Konstanz : UKV, 1999. — 142 S.
16. *Kracht K.G.* Die zankende Zunft : Historische Kontroversen in Deutschland nach 1945 / K.G. Kracht. — Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 2005. — 224 S.
17. *Mank U.* Zwischen Trauma und Rechtfertigung : Wie sich ehemalige Soldaten an den Krieg erinnern / U. Mank. — Frankfurt am Main : Campus Verlag, 2011. — 320 S.
18. *Markovits A.S.* Störfall im Endlager der Geschichte // Ein Volk von Mördern? : Die Dokumentation zur Goldhagen-Kontroverse um die Rolle der Deutschen im Holocaust / Hrsg. J.H. Schoeps. — Hamburg : Hoffmann und Campe, 1996. — S. 667—674.
19. *Mommsen H.* Die Schuld der Gleichgültigen // Süddeutsche Zeitung. — 1996. — 20 Juni.
20. *Niroumand M.* Little Historians // taz. — 1996. — 13 April.
21. *Nolte J.* Sisyphos ist Deutscher // Die Welt. — 1996. — 16 April.
22. *Reemtsma J.P.* Die Mörder waren unter uns // Süddeutsche Zeitung. — 1996. — 24 August.
23. *Scheit G.* Germans down, Germans up. : Daniel J. Goldhagen und die Erben der willigen Vollstrecker Hitlers // Wir kneten ein KZ. Aufsätze über Deutschlands Standortvorteil bei der Bewältigung der Vergangenheit / Hrsg. W. Schneider. — Hamburg : Konkret, 2000. — S. 126—161.
24. *Schirmacher F.* Hitlers Code // FAZ. — 1996. — 15 April.
25. *Schoeps J.H.* Vom Rufmord zum Massenmord // Die Zeit. — 1996. — 26 April.
26. *Semler C.* Provokateur auf Tour // taz. — 1996. — 7 September.
27. *Ulrich V.* Vertraute Töne // Die Zeit. — 1996. — 14 Juni.
28. *Wehler H.-U.* Wie ein Stachel im Fleisch // Die Zeit. — 25 Mai.
29. *Wippermann W.* Wessen Schuld? : Vom Historikerstreit zur Goldhagen-Kontroverse / W. Wippermann. — Berlin : Elefantpress, 1997. — 142 S.

УДК 7.079(470.45)"19"
ББК 66.798(2Рос-4Вор)64,1

ВАЛЬКОВСКИЙ А.В.

ФЕСТИВАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ВОЛГОГРАДЕ В 1980—2000-е гг.: ЛИНИИ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ¹

В статье анализируются линии преемственности и взаимовлияний, выявляются сходные черты, тенденции и закономерности в развитии фестивального движения в Волгограде в течение трех десятилетий на примере фестивалей современного искусства. Выделены основные функции фестивалей на территории.

Ключевые слова: фестиваль, фестивальное движение, Волгоград, авангард, современное искусство, экспериментальные художественные практики, «Неопознанное движение», «Банаро», «Кайфедра», «Новое движение», «Видеология», видеоарт, «Субъектив».

Середины 1980-х гг. Волгоград активно заявляет о себе на фестивальной карте России. В статье рассматриваются художественные фестивали, организованные не государственными или муниципальными учреждениями культуры, а представляющие собой частные

инициативы, не находившие государственной поддержки. Они сформировали образ Волгограда как экспериментальной фестивальной территории, представляющей современные художественные тенденции. Большинство экспертов в рамках проведенного социологического исследования отрицают, что фестивальный процесс в Волгограде являлся именно «фестивальным движением», однако мы считаем, что в изучаемый период можно проследить определенные линии преемственности между различными

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 14-13-34015).